

Порой, обращаешь внимание на то, что, казалось бы, простая, много раз слышанная фраза, может стать для поэта тем «центром кристаллизации», вокруг которого родится стихотворение.

Так случилось и у Валентины Ерофеевой-Тверской с фразой, которой озаглавил этот очерк:

Мятежны мысли и мечты –	Я если улыбнусь спросонок,
Пугают душу и тревожат.	То – веря в благодать небес.
И если день неверно прожит,	Всему земной отмерен срок.
То сердце начинает стывать.	Я чутким сердцем понимаю,
У нас у каждого свой крест,	Живу, пишу и точно знаю:
И колокол церковный звонок.	Есть Божьи знаки в силе строк.

Вот так просто получилось у поэта сказать и о том, что «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*», и о том, о чём у знаменитого поэта:

...Если он недаром прожит,
Тыловой ли, фронтовой –
День мой вечности дороже,
Бесконечности любой...

И, конечно, о том, что, если не лукавишь, не имитируешь, а пишешь искренне, «*как дышишь...*, *не стараясь угодить*», непременно напишешь что-то важное людям, но присущее лишь стилю твоего письма.

К этому, незаметно для нас самих, ведёт и твоя биография, которая формирует в тебе личность, а значит, и внутренний способ жить:

Росла не баловнем судьбы –	Не выгод и путей прямых,
Почти из нищих.	А просто – дела.
Я не из тех, кому везёт, –	Мне в жизни важно, чтоб душа
Из тех, кто ищет	Не зачерствела.

И в этих «*не смятых в строке*» словах, есть та ёмкая простота, которая, по определению выдающегося поэта Серебряного века, названа «*высшей степенью словотворчества*».

А если ты из тех, кому «*в жизни важно, чтоб душа не зачерствела*», непременно ощутишь то, что всегда желанно каждому из нас, и о чём так нетривиально, образно и верно сказала Валентина Ерофеева-Тверская:

Как часто счастье окликает нас?	Оно везде: в мечте и лопухах,
Оно неуловимо, словно выдох.	Младенца плаче и уюте комнат,
Кому – молитвы, а кому – Парнас,	В сиюминутных мыслях и делах,
Кому-то счастьем день обычный виден.	И там, где сон непоправимо скокман.

Оно приходит тихо, не спеша,
Без суеты и спешки ощущая,

Чья на призыв откликнется душа, –
И ничего притом не обещающая...

Конечно, такое можно написать, если у поэта не только серьёзный жизненный опыт и многие раздумья, но и дар ощутить насколько *«оно неуловимо, словно выдох»* и насколько многогранно, как неосязаемая субстанция.

Давно обратил внимание, что для поэзии Валентины Ерофеевой-Тверской характерно то вслушивание, вглядывание, саморастворение в потоке людских забот, который, на первый взгляд, выглядит неким «броуновским движением», однако имеет определённое упорядоченное направление. Но его суть, видимо, ощутима лишь Художником:

Скупая заповедь вокзалов:
Прощанья, встречи, поезда...
Чужие лица в скучных залах.
Здесь ждут отъезда – кто куда.
А для меня вокзал – как праздник
И обещанье новых встреч,

Как жажда впечатлений разных,
Что на «потом» могу сберечь.
Возврата тяга в город милый –
Он ждёт меня на Иртыше.
Вновь стук колёс неутомимый –
Вокзал...
... И я в пути уже.

Это *«обещанье новых встреч»* влечёт поэта не только как путешествие в пространстве внешнем, но и в духовном, которое нередко ведёт к новым открытиям, когда меняешь средства выражения того, что накапливается в душе:

Поменяла перо на кисти.
Как волхвуется над холстом!
Вперемежку реальность с мистикой...
Я сейчас позабыла о том,
Что пора приготовить ужин,
Что уют навести пора...
Вдохновения свет разбужен.
Вдруг от кисти, как от пера,

Вырастают густые травы,
Отражает вода закат,
Лодка дремлет у переправы,
Тихой песней журчит река.
Растворителем пахнет, краской,
И устало дрожит рука.
Вдохновение, ты – прекрасно...
... с чем рифмуются облака?

Вот это действие *«волхвовать»* – чародействовать, воспарив, над холстом, когда женщина забывает о том *«что пора приготовить ужин, что уют навести пора»*, потому что в это время приходит к ней *«вперемежку реальность с мистикой»*, видимо, является потребностью поэта Валентины Ерофеевой-Тверской, чтобы вновь вернуться к слову, освежив своё мировосприятие. Может быть, освежив до той степени, какая всегда бывает в самую счастливую пору большинства из нас – в детстве:

Незабвенное детство –
Мир желаний и грёз.
Мне достались в наследство
Стылость русских берёз,
Гонор зимнего ветра,
Шаловливость проказ,
Косы русого цвета,
Серость дедовых глаз.

Пусть лукавинка дремлет
В уголках моих губ.
Я пророчеством древним
Согреваться могу –
В нём я черпаю силы
Для любви и добра...
Из загадок России
И меня не убрать.

О загадочной русской душе говорят и пишут столетиями лучшие умы – философы профессиональные и непрофессиональные – прозаики, поэты, драматурги... Но какие бы умозаключения они ни делали, загадка и по сей день не разгадана. Может, она тоже является одним из чудес света. И её можно лишь чувствовать в себе и в другом, но понять природу невозможно. И когда поэт говорит просто: *«Из загадок России / И меня не убрать»*, в этой простоте звучит мудрость.

А загадочность русской души состоит ещё и в её способности не сгибаться, как бы ни было трудно и как бы со стороны ни казалось, что всё потеряно. Ведь в истории Руси так казалось нередко, но всякий раз наступало возрождение. Может, и оттого, о чём у поэта сказано в знаковом стихотворении «Родина»:

Есть в слабости твоей
двойная сила.
Ты и сейчас себе
врачуешь раны.

Но верим мы,
что поздно или рано
Во всей красе
расправится Россия.

Я не одна
у Господа просила
Не золота
не почести и славы,
А чтобы все
преодолели слабость,
Не рвали бы
на лоскуты Россию.

Зарубкой в памяти
год девяносто третий,
Вчера – Чечня,
позавчера – Афган...
И страшно, что
в излечивании ран
Сильней России
нет на белом свете.

Ну и, конечно, такого поэта, как Валентина Ерофеева-Тверская, невозможно себе представить без мотива о том, что всегда было, есть и будет на земле, и что является главным, чем живёт человек, – стихов о любви.

Вот и в одной из книг Валентины «*Душа исповедальная*» есть целый прекрасный цикл под названием: «Мелодия сердца»:

Наши чувства сродни
пробужденьям весенним –
Мы их поровну делим
с тобою вдвоём.
Воедино сливаются
грусть и веселье.
Я во всём ощущаю
дыханье твоё.
Ввысь глаза поднимаю –
и радуюсь небу.
Что роднит и роднило
тебя и меня.

С перелётными птицами
быть наравне бы,
Чтоб легко мы могли
расстоянье менять!
Чтоб руками коснуться
лица дорогого...
Нужно многое выстрадать,
много понять,
Не занять и не выкупить
счастья чужого –
Нужно данное Богом
с любовью принять.

Думаю, каждому из нас, кому выпало то, о чём с определённого возраста мечтают все – полюбить и быть любимым, очень знакомы эти «*чувства сродни пробужденьям весенним*», и как «*воедино сливаются грусть и веселье*», и конечно, главное: «*нужно данное Богом с любовью принять*».

А уж если это данное Богом находит продолженье тебя в другом, да ещё через поколение, степень восторга, благодарности, вопросов, вполне естественной тревоги в современном мире и конечно, надежд на лучшее, очень высока.

Всё это отразилось и в стихотворении, посвящённом внуку Ванечке Ерофееву:

Уютно обвивают руки
Сопящий кокон дорогой.
Легко младенца убаюкать
Ещё легко!
Но, Боже мой,
Всё впереди ещё туманно...
Душа моя вперёд спешит:
Какие страсти ждут Ивана,

Каким и где он будет жить?
С кем и какие отраженья
Он будет в зеркалах ловить,
Какие принимать решенья,
Как ненавидеть, как любить?
Какие дали помячат,
Какие кликнут города...
Всё впереди, уснувший мальчик –
Моя сверхновая звезда.

Такое стихотворение вряд ли требует комментариев.

Поэтому в завершение разговора могу лишь добавить: когда читаю стихи Валентины Ерофеевой-Тверской, вначале появляется ощущение, что всё ясно. Но через какое-то время чувствую, что тянет перечитать то одно, то другое стихотворение. И перечитывая, обращаю внимание, что открываю новые грани, какие не сумел ощутить при первом чтении.

В этом, видимо, и есть та магия поэзии, о тайне восприятия которой и тяги к ней Давид Самойлов сказал: «*Люблю обычные слова, /Как неизведанные страны...*».

Наверное, поэтому *обычные слова*, расположенные Валентиной Ерофеевой-Тверской в какой-то – лишь ей одной присущей последовательности, вызывают потребность не только читать, но и перечитывать полюбившиеся строки из философской и гражданской лирики, из лирики природы и любви...

И этот дарованный ей природой поэтический «*крест*» несёт прекрасный русский поэт достойно, с любовью к читателю и «*веря в благодать небес*».